

Фиктивность браков в современных реалиях

Н.А. Темникова

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского», г. Омск

Объектом исследования являются отношения, возникающие в связи с заключением фиктивных браков в реалиях специальной военной операции. Предметом исследования выступают нормы семейного права, регламентирующие признание фиктивных браков недействительными, и текущая судебная практика. Целью является установление особенностей доказывания фиктивности брака и причин распространенности этого явления в современных реалиях. Конкретными задачами выступают: исследование вопросов, связанных с заключением фиктивных браков; обоснование применяемых способов защиты, включая аннулирование правоотношения. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Отчетливо наметилась дифференциация судебных подходов к доказыванию фиктивности в зависимости от того, насколько, по мнению суда, нарушен публичный интерес. Доказывание фиктивности брака осложнено отсутствием легального определения понятия «семья» и ее признаков в семейном законодательстве.

Ключевые слова: фиктивность, семейное отношение, фиктивный брак, аннулирование записи акта гражданского состояния, публичные интересы.

Военные действия предполагают не только героизм, консолидацию народа, но и обострение социальных конфликтов, крайние проявления ранее существовавших негативных социальных явлений. Фиктивные браки стали инструментом мошеннических схем по получению мер государственной поддержки семьями погибших участников специальной военной операции (далее – СВО), чему служит подтверждением судебная и прокурорская практика.

На этой волне 09.01.2025 г. в Государственную Думу Российской Федерации был представлен законопроект, в котором предлагалось дополнить положения о мошенничестве в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) статьей о мошенничестве при получении государственных или муниципальных мер социальной поддержки путем заключения фиктивного брака [1]. Следует отметить, что среди очевидных недостатков законопроекта Верховным Судом России и Комитетом по государственному строительству и законодательству были названы наличие действующих норм, регулирующих мошенничество при получении выплат (ст. 159² УК РФ), а также отсутствие учета иных возможностей приобретения чужого имущества путем обмана при заключении фиктивного брака, например при наследовании. Кроме

того, обращено внимание на ненадлежащие формулировки предлагаемой нормы, которые могут негативно сказаться на правоприменительной практике.

Но в любом случае очевидна необходимость ревизии ранее высказанной позиции [12] относительно фиктивных браков и предмета доказывания в современных реалиях.

В течение длительного времени выявление фиктивных браков, в том числе в связи с нарушением порядка принятия в гражданство Российской Федерации, приобретением права на предоставление жилого помещения, земельного участка, далеко не всегда было возможно, чаще фиктивность брака оставалась скрытой, в том числе и в связи с недоступностью обжалования фиктивности брака как заинтересованными лицами, так и лицом, которое намеренно в него вступало, зная, что семейных отношений не предполагается.

В итоге такие факты оставались скрытыми, что противоречит как публичным интересам, так и правилам морали и нравственности. Однако начало СВО и появление системы выплат родственникам погибших воинов спровоцировали рост числа фиктивных браков, нередко с применением обмана и принуждения, что способствовало раскрытию ряда таких фактов и привело к возбуждению уголовных дел в нескольких регионах России.

Лексема «фиктивность» означает нечто вымышленное, не соответствующее тому, за что принимается или выдается. В юридическом языке слово приобрело отчетливый негативный контекст, связанный с неправомерными действиями субъектов (субъекта), которые умышленно совершали юридический акт лишь для видимости, не желая наступления основных последствий, входящих в содержание правоотношения, не имели целью получение социальных благ и гарантий на основании юридических фактов, не соответствующих действительности.

Н.Н. Тарусина в определении фиктивного брака отмечает внешнее соответствие «формальным требованиям той правовой конструкции, которая используется», при отсутствии ее цели и содержания [8, с. 84].

При проведении соотношения фиктивных актов и мнимых сделок отмечается как определенное сходство с учетом специфики личного характера семейных отношений [2, с. 47–48], так и отличия, обосновываемые «суверенной сущностью предмета и метода семейно-правового регулирования и семейного законодательства» [9, с. 9–37]; а также тем, что к большинству фиктивных семейных актов не применимы правовые последствия признания фиктивных сделок недействительными [10, с. 46].

В фиктивном браке воля сторон (стороны) и волеизъявление имеют разнонаправленные векторы, поскольку субъекты не стремятся к достижению обычного и непосредственного правового результата, в

данном случае – созданию семьи, преследуются побочные, опосредованные цели, для реализации которых необходимо состояние в браке. Отмечено, что перед третьими лицами создается ложное представление и видимость брачного правоотношения [13, с. 82–83]. Следует учитывать высокую латентность фиктивных актов [6, с. 52] и возможность их выявления только при наличии заинтересованных лиц, привлечших внимание к таким случаям.

Всплеск регистрации фиктивных браков произошел после начала СВО, что связано с ролью брачного правового состояния в динамике социально-обеспечительных и наследственных правоотношений. И если ранее среди причин заключения таких браков отмечали упрощенное получение гражданства России; регистрацию по месту жительства в г. Москве, получение социального жилья [3, с. 175–176; 7, с. 73], то в настоящее время чаще целью является получение единовременной выплаты семьям участников, погибших в ходе специальной военной операции.

Доказывание фиктивности брака осложнено отсутствием легального определения понятия «семья», ее признаков в семейном законодательстве. Среди базовых признаков семейного супружеского союза неоспорима только регистрация брака, остальные (совместное проживание, общий быт, ведение хозяйства, взаимная поддержка членов семейной общности, осведомленность о фактах биографии друг друга, о родных и друзьях [14, п. 14]) по сути должны восприниматься в совокупности. О.И. Сочнева и Н.Н. Тарусина считают, что отрицание такого признака, как совместное проживание, ведет к размыванию данного понятия, отождествлению его с другими вариациями семейных отношений [11, с. 27], предлагая рассматривать причины раздельного проживания.

Доказывание может быть осложнено и иными фиктивными юридическими актами: внесудебным установлением отцовства, расторжением предыдущего брака. Однако такое симулирование брачного правоотношения не должно быть препятствием для признания брака фиктивным. Л.Б. Максимович при явно недобросовестном поведении предлагает допустить признание брака фиктивным даже в случае рождения ребенка [7, с. 74-75].

Изменение политической ситуации привело к тому, что как российский законодатель, так и суды вынуждены «действовать в условиях социальной чрезвычайности» [4, с. 75], что отчетливо прослеживается в практике Верховного Суда [15]. Вышесказанное влечет применение не только частноправовых, но публично-правовых санкций, в том числе квалификацию заключения фиктивного брака с целью получить выплаты в связи с гибелью бойца на СВО как мошенничество.

Основной частноправовой санкцией в случае недействительности брака является аннулирование правоотношения, которое не должно применяться, если брак между супругами расторгнут (п. 4 ст. 29 СК РФ).

При рассмотрении дел, связанных с приобретением гражданства в упрощенном порядке, суды учитывают наличие публичного интереса, который, по словам О.Ю. Ильиной, состоит «в признании ценности семьи как социально-правового института, в связи с чем различные попытки дискредитировать семью как особый союз могут повлечь аннулирование соответствующих состояний» [5, с. 120]. Обращает на себя внимание, что само умаление значения семейного союза, дискредитация понятия рассматриваются как посягательство на публичный интерес.

Однако в практике сложилась следующая дифференциация судебных подходов: в частных спорах по признанию фиктивными расторгнутых браков (наследование, приобретение права собственности) суды такой возможности не допускают, ссылаясь на вышеназванную норму [16]; в спорах, непосредственно затрагивающих публичный интерес, – подход противоположный. Суды признают брак фиктивным после его расторжения, аннулируя запись акта гражданского состояния о расторжении брака по искам прокуроров [17, 18, 19].

Объяснением такого дифференцированного подхода может служить частноправовая направленность положения п. 4 ст. 29 СК РФ, заключающаяся в признании бывшими супругами действительности расторгнутого брака. В случае обращения прокурора с требованием о признании недействительным брака, расторгнутого судом, преюдициальность этого решения не распространяется на прокурора, поскольку он «не является стороной в процессе о расторжении брака» [10, с. 53].

В современных реалиях фиктивные браки часто цинично связаны с ожиданием гибели воина и последующим получением денежных выплат, однако судам необходимо отделять «зерна от плевел», поскольку следует учитывать и «фронтовые браки», браки, заключенные с сожительницами накануне отправки на СВО, которые также ожесточенно оспариваются родственниками [20].

Кроме того, не следует забывать и о возможности злоупотреблений и регистрации несостоявшихся браков с бойцами СВО, когда подделываются подписи, вставляются записи в актовые книги, и в таком случае суд констатирует не наличие препятствий к заключению брака, а отсутствие самого факта его регистрации и юридическую несостоятельность брака [14, п. 4], результатом чего является аннулирование акта гражданского состояния.

Таким образом, современные реалии, в том числе и выплаты членам семей участников СВО, вызвали рост регистрации фиктивных браков. Текущая судебная практика показывает развитие дифференциации судебных подходов к доказыванию фиктивности в зависимости от того, насколько, по мнению суда, нарушен публичный интерес. Если целью заключения такого брака было получение выплат,

возможно возбуждение дела о мошенничестве. Пока сложно говорить о формировании тенденции к криминализации фиктивных браков, но можно сделать вывод о том, что отношение к ним становится более нетерпимым.

Список литературы

1. Законопроект № 1092186-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1092186-8>, свободный (дата обращения: 12.01.2026).

2. Авхадеев И.В. Правовая природа института фиктивности брака по российскому семейному законодательству // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1. С. 47–52.

3. Беспалов А.Ю. К вопросу о недействительности расторгнутого брака // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 175–181.

4. Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани... // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71–79.

5. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей (договор) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

6. Лагунова Е.А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 50–56.

7. Максимович Л.Б. Фиктивный брак // Закон. 1997. № 11. С. 73–75.

8. Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84–87.

9. Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.

10. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Фиктивность в семейно-правовой сфере: продолжение следует // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 45–65.

11. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 26–34.

12. Темникова Н.А. Фиктивность в семейном праве // Вестник Омского Университета: Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 105–110.

13. Филимонова И.В. Семейно-правовое состояние как разновидность правового состояния // Академический юридический журнал. 2015. № 3 (61). С. 39–47.

14. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

15. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.10.2025 г. № 93-КГ25-2-К9 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Московского городского суда от 13.10.2010 г. № 4Г/8-8309/10 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 29.12.2014 г. по делу № 33-197 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2023 г. по делу № 88-9072/2023 (УИД 65RS0001-01-2022-010776-42) // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 г. № 88-36869/2024 (УИД 91RS0017-01-2023-001070-33) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 10.06.2025 г. по делу № 33-8073/2025 (УИД 66RS0014-01-2024-002219-05 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ТЕМНИКОВА Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (644099, г. Омск, ул. Фрунзе, 6), SPIN-код: 3675-5504, AuthorID: 540047, e-mail: nat_temnikova@mail.ru

Fictitious marriages in current realities

N.A. Temnikova

Omsk State University by F.M. Dostoevsky, Omsk

The object of the study is the relationships that arise in connection with the conclusion of fictitious marriages in the realities of their own. The subject of the study is the norms of family law governing the recognition of fictitious marriages as invalid and current judicial practice. The aim is to establish the specifics of proving the fictitiousness of marriage and the reasons for the prevalence of this phenomenon in modern realities. The specific tasks are: to study issues related to the conclusion of fictitious marriages; to substantiate the methods of protection used, including the annulment of a legal relationship. The results of the study can be represented by the following main conclusions. There has been a clear differentiation of judicial approaches to proving fictitiousness, depending on how much, in the opinion of the court, the public interest has been violated. Proving the fictitiousness of marriage is complicated by the lack of a legal definition of the concept of "family" and its features in family legislation.

Key words: *fictitious family relationship, a marriage, the annulment of the record of civil status, public interests.*

About author:

ТЕМНИКОВА Natalia – Ph.D in Law, Docent, Assistant Professor of the Department of Civil Law Dostoevsky Omsk State University (6, Frunze ul., Omsk, 644099), SPIN-code: 3675-5504, AuthorID: 540047, e-mail: nat_temnikova@mail.ru

Темникова Н.А. Фиктивность браков в современных реалиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 209–214.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.